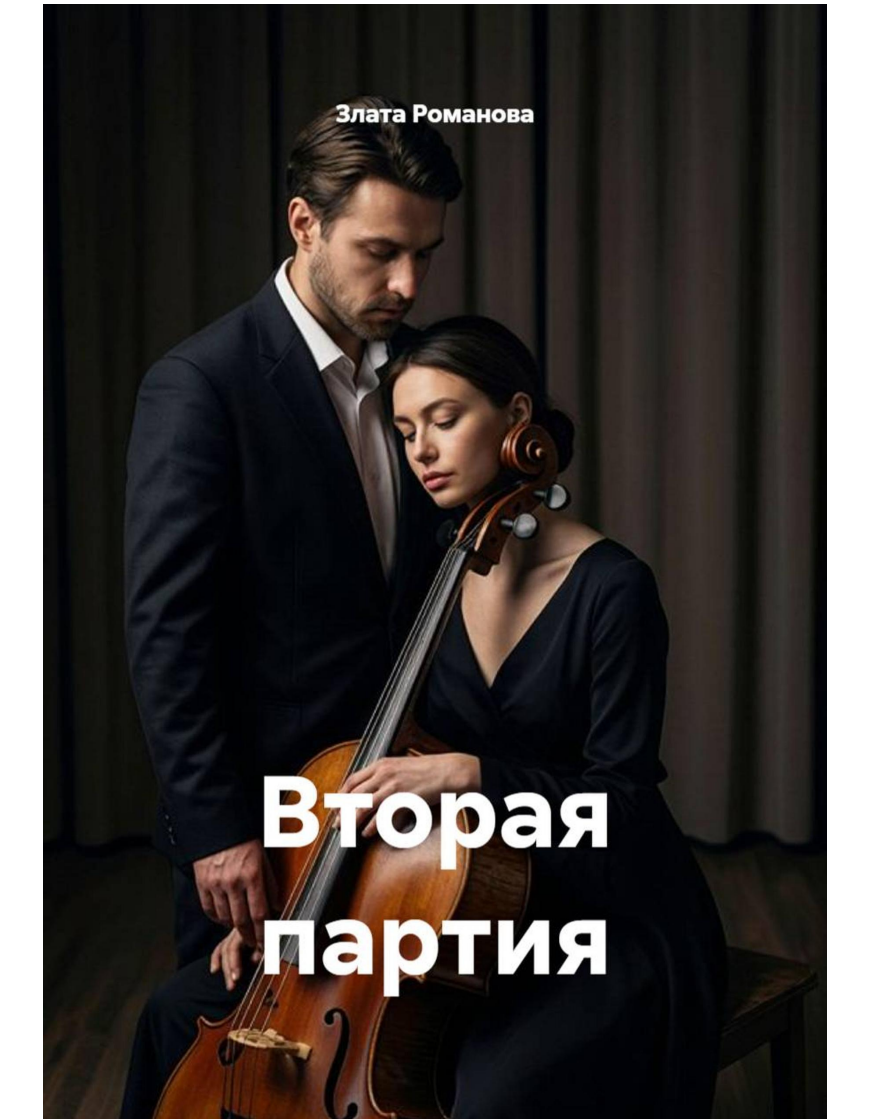


A man and a woman are shown in a close, intimate pose. The man, with dark hair and a beard, is wearing a dark suit and a light-colored shirt. He is leaning over the woman, his hands resting on the cello. The woman, with dark hair pulled back, is wearing a dark, long-sleeved dress. She is holding a cello and looking down at it with a focused expression. The background is dark and textured, possibly a curtain. The lighting is dramatic, highlighting the couple and the instrument.

Злата Романова

Вторая партия

Злата Романова

Вторая партия

<https://litres.ru/74578644>

SelfPub; 2026

Аннотация

Известный виолончелист Андрей Лавров теряет слух на одно ухо и вынужден уйти из оркестра. Жена Инга больше думает о статусе, чем о нём, и он уходит из семьи. Андрей устраивается в простую музыкальную школу и там встречает Веру, свою первую любовь, которая когда-то исчезла из его жизни без объяснений.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	9
Глава 3	11
Глава 4	13
Глава 5	15
Глава 6	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Злата Романова

Вторая партия

Глава 1

Кира спустилась за водой и остановилась на середине лестницы. Из гостиной доносились голоса родителей. Отец говорил тихо, мать почти кричала.

— Повтори, что ты сейчас сказал, — потребовала Инга.

— Я сказал, что был у врача. Слух на левом ухе не вернётся. Ни полностью, ни частично.

— Это можно лечить. Есть клиники в Германии, в Израиле...

— Я был в Германии, Инга. Три месяца назад, когда ты думала, что я на гастролях.

Повисла тишина. Кира прижалась к перилам.

— Ты ездил к врачам и ничего мне не сказал?

— Хотел сначала понять сам.

— Понять что? Андрей, мы женаты двадцать лет!

— Именно поэтому я и молчал, — устало ответил он. — Потому что знал, как ты отреагируешь.

— И как же?

— Ты спросишь не «как ты?», а «кто ещё знает?».

— Это несправедливо!

— Тогда спроси сейчас. Спроси, как я.

Инга молчала. Кира почти физически почувствовала, как мать подбирает слова, и как слова не находятся.

— Андрей, — наконец сказала Инга, — послушай. Об этом не должна узнать ни одна живая душа. Мы скажем, что у тебя переутомление. Возьмёшь паузу на полгода, потом вернёшься.

— Вернусь куда? Звук искажён, я не слышу интонацию. Я фальшивлю, Инга. Сам этого не слышу, но вижу по лицам коллег.

— Значит, придумаем, как это скрыть. Подберём программу, где тебе проще...

— Скрыть, — повторил Андрей. — Опять скрыть.

— А что ты предлагаешь? Выйти на сцену и признаться залу?

— Я предлагаю перестать притворяться.

— Для кого притворяться? Для меня? Для Киры?

— Для всех. Для себя в первую очередь.

Кира сделала шаг вниз, и ступенька скрипнула. Родители не заметили.

— Сегодня мне позвонил Виктор Павлович, — сказал Андрей. — Завтра худсовет будет решать вопрос о моём почётном уходе.

— Какой ещё уход? Они не имеют права!

— Имеют. И я соглашусь.

— Ты что?!

— Соглашусь. Я уже нашёл работу.

— Какую работу?

— В музыкальной школе на Садовой. Преподавать виолончель детям.

Инга рассмеялась. Смех вышел резким, нервным.

— В районной школе? Ты, лауреат международных конкурсов? Андрей, ты сам себя слышишь? Что я скажу людям?

— Вот, — тихо произнёс он. — Именно этот вопрос.

— Какой?

— «Что скажут люди». Двадцать лет я его слушаю. Каждый концерт, каждый приём, каждый ужин. Я устал, Инга.

— Ты устал? А я? Я всё это время держала дом, твоё расписание, твой образ! Ты думаешь, слава возникла сама?

— Нет. Её создавала ты. И она для тебя оказалась важнее меня.

— Как ты смеешь!

— Я не обвиняю. Я просто наконец это вижу.

Инга шагнула к нему. Кира заметила, как мать сжала кулаки.

— Если ты уйдёшь, я не буду ждать. Слышишь? Не буду.

— Я и не прошу.

— Ты хоть понимаешь, что бросаешь семью?

— Понимаю. Но семья, в которой нужно всё время играть роль, это не семья.

Кира не выдержала и спустилась.

— Пап.

Оба обернулись. Инга быстро провела ладонью по лицу.

— Кира, иди к себе.

— Нет. — Кира смотрела на отца. — Это правда? Ты уходишь?

— Кира...

— Просто скажи.

— Да.

Слово упало, как камень в воду.

— Из-за уха? — спросила она.

— Не только. Из-за многого. Я хотел поговорить с тобой отдельно, не так...

— Почему ты не сказал раньше? Что ты болен?

— Не хотел тебя пугать.

— Ты меня не пугал. Ты просто не считал нужным нам доверять.

— Это не так.

— Это именно так. — Её голос задрожал. — Ты сказал маме, что был у врача три месяца назад. Три месяца я жила рядом и ничего не знала. Ты вообще замечал, что я здесь?

— Кира, ты моя дочь.

— Тогда почему я узнаю обо всём последней? Ты всегда был «на гастролях». Даже когда сидел за нашим столом.

Андрей побледнел.

— Это несправедливо.

— Зато честно, пап. Ты же теперь любишь честность.

Он помолчал. Левой рукой коснулся уха, как делал теперь

всё время, будто проверял, не вернулся ли звук.

— Когда-нибудь ты поймёшь, — тихо сказал он.

— Не пойму.

Он взял виолончель, стоявшую у стены. Инга бросилась к нему.

— Подожди! Андрей, мы можем всё обсудить!

— Мы уже всё обсудили.

— Ты вернёшься, — сказала она, и в её голосе вдруг провалось что-то страшное. — Когда поймёшь, что никому не нужен без своей сцены.

— Может быть.

Дверь закрылась мягко, почти бережно. Именно это Кира потом не могла ему простить: он даже не хлопнул.

Инга стояла неподвижно. Потом резко повернулась.

— Не смотри на меня так. Он вернётся. Они всегда возвращаются.

— Мам...

— Иди спать, Кира.

Но Кира не двинулась с места. Она вдруг заметила, что у матери дрожат руки, и впервые подумала: а вдруг та боится?

Мысль была неприятной, и Кира прогнала её.

Глава 2

Об этой ночи Кира узнает много позже, из отцовских слов, сказанных тихо и без попытки оправдаться. Но потом ей будет казаться, что она видела всё своими глазами.

Комната, которую Андрей снял через знакомого, пахла старыми книгами и чужой жизнью. Диван, стол, лампа с треснувшим абажуром. Он поставил виолончель в угол и долго смотрел на неё, как на человека, перед которым виноват.

Телефон зазвонил в половине двенадцатого. Номер он знал наизусть.

— Андрей Сергеевич, — голос директора оркестра был вежливым и скользким. — Простите за поздний звонок. Я хотел сказать, что мы все вас безмерно уважаем.

— Говорите прямо, Виктор Павлович.

— Тогда прямо. Худсовет решил, что вам стоит подумать о почётном уходе. С полным уважением к вашим заслугам. Мы организуем прощальный концерт, вы выберете программ...

— Прощальный концерт, — повторил Андрей. — Для человека, которого прощают.

— Не нужно драматизировать. Вы сами знаете, что левое ухо...

— Знаю.

— Тогда вы понимаете, что публика заметит. А у нас ре-

путация.

— У вас репутация, — Андрей закрыл глаза. — У меня была музыка.

— Вы можете преподавать, консультировать...

— Я уже нашёл работу. Музыкальная школа на Садовой.

В трубке повисла пауза. Андрей почти увидел, как директор морщится.

— Простите, куда?

— Районная музыкальная школа. Детям нужен педагог по виолончели. А мне нужно место, где можно ошибаться и никто не напишет об этом рецензию.

— Вы шутите.

— Спокойной ночи, Виктор Павлович.

Он отключил телефон и положил его на стол экраном вниз. Потом взял виолончель, сел и провёл смычком по струне.

Звук вышел чужой, будто кто-то слегка сдвинул мир на полтона влево. Андрей опустил смычок, посидел и снова поднял его. Сыграл ещё раз. Ещё.

К трём часам ночи он понял, что плачет. Не от жалости к себе, а от странного, незнакомого облегчения. Впервые за много лет никто не слушал его игру и ничего от неё не ждал.

Он играл для пустой комнаты и впервые слышал в этом смысл.

Глава 3

Новость вышла во вторник. Кира узнала о ней от Дианы, подруги, которая влетела в кафе с телефоном и горящими глазами.

— Кира, ты видела? Это ведь твой отец?

— Что именно?

— Вот.

Кира взяла телефон. Заголовок был набран жирным шрифтом: «Падение маэстро. Известный виолончелист Андрей Лавров оставил оркестр и ушёл преподавать в районную музыкальную школу на Садовой».

Под ним шёл текст. «Источники, близкие к семье», писали о болезни, о «трагической потере слуха», о «разрыве с женой и дочерью». Кира читала, и у неё горели уши.

— Кто это написал? — спросила она.

— Какая разница? — Диана пожала плечами. — Зато все знают. Мне даже жалко его немного.

— Не надо его жалеть.

— Почему? Ты же его дочь.

— Именно поэтому.

Телефон завибрировал в руке. На экране высветилось: «Мама».

— Да.

— Ты видела? — голос Инги звучал странно, слишком

бодро. — Статья. Я хотела, чтобы ты услышала от меня...

— Это ты им рассказала?

Пауза.

— Я сказала правду. Кому-то из старых знакомых. Они сами решили её опубликовать.

— Мам.

— Что «мам»? Он ушёл из дома, бросил нас, а все должны думать, что он бедный страдалец? Пусть люди знают, каким он на самом деле стал.

— Каким?

— Слабым.

Кира встала из-за стола и вышла на улицу, не попрощавшись с Дианой. Во дворе кафе дул холодный ветер. Она прислонилась к стене и закрыла глаза.

«Источники, близкие к семье». Значит, мать сделала это сознательно. Но в голосе Инги слышалась не победа, а что-то другое, надломленное.

Кира достала телефон и ещё раз перечитала заголовок. Потом открыла карту и набрала: «Музыкальная школа, Садовая улица».

Она сама не знала, зачем. Просто хотела увидеть, как выглядит место, куда падают такие люди.

Глава 4

Музыкальная школа на Садовой занимала старое двухэтажное здание с облупленным фасадом. В вестибюле пахло мастикой и яблочным пирогом, из дальних классов доносились гаммы, чуть фальшивые, но упрямые.

Андрей стоял у доски объявлений и чувствовал себя студентом, пришедшим на первый экзамен. Левое ухо привычно гудело.

— Андрей Сергеевич? — к нему шла невысокая седая женщина в строгом жакете. — Тамара Львовна, директор. Мы так рады, что вы согласились!

— Я тоже рад. Правда.

— Не стесняйтесь, что у нас скромно, — она заговорщицки понизила голос. — Дети золотые. А педагоги, вот увидите, лучше многих столичных.

— Я не сомневаюсь.

— Идёмте, представлю вас коллективу. Сегодня как раз педсовет.

Они поднялись на второй этаж. В небольшом классе вокруг стола сидели человек десять. Андрей кивал, пожимал руки, запоминал имена, не запоминая.

— И наша жемчужина, — Тамара Львовна повернулась к женщине у окна. — Вера Николаевна, заведующая хоровым отделением. Вера, знакомьтесь, наш новый педагог по вио-

лончели.

Женщина обернулась.

Андрей почувствовал, как пол уходит из-под ног. Двадцать лет. Двадцать лет он видел это лицо во сне, в толпе, в витринах. Седина в тёмных волосах, морщинки у глаз, но тот же прямой взгляд, та же манера держать голову.

Вера смотрела на него молча. В её лице не дрогнуло ничего, и только пальцы, лежавшие на спинке стула, побелели.

— Очень приятно, — сказала она ровным голосом.

— Мне тоже, — выдавил Андрей.

— Вы знакомы? — удивилась Тамара Львовна, переводя взгляд с Веры на Андрея.

— Нет, — быстро сказала Вера.

— Давно, — одновременно ответил Андрей.

В классе стало тихо. Кто-то неловко кашлянул.

— Мы учились в одном городе, — поспешно добавила Вера. — Очень давно. Я не думала, что запомню.

— Какое совпадение! — обрадовалась директор. — Вот и отлично, значит, вам будет легче сработаться. Вера Николаевна, покажите Андрею Сергеевичу класс, ладно?

Вера медленно кивнула.

— Конечно.

Когда они вышли в коридор, она шла впереди, не оборачиваясь. Андрей смотрел на её спину и не знал, с чего начать.

Глава 5

— Вот ваш кабинет, — Вера остановилась у двери в конце коридора. Голос оставался ледяным. — Рояль расстроен, окна дует. Ставьте на батарею чайник, иначе замёрзнете.

— Вера.

— Я должна идти. У меня занятие.

— Подожди. Пожалуйста.

Она остановилась, но не повернулась.

— Не думала, что увижу тебя снова, — сказала она наконец.

— Я искал тебя годами.

— Годами? — Вера обернулась, и Андрей увидел в её глазах не злость, а усталость, ещё страшнее злости. — Тогда ты плохо искал. Я жила в одном городе, потом в другом, потом вернулась сюда. Меня нетрудно было найти.

— Я не знал, где ты. Твои родители сменили адрес, по-други молчали. Я писал, помнишь? Письма возвращались.

— Я их не открывала.

— Почему?

— Потому что знала, что там написано.

— Что?

— Оправдания.

— Вера, то, что ты тогда видела... — он шагнул к ней. — Я хотел объяснить, но не успел. Ты просто исчезла.

— А что мне было делать, Андрей? Остаться и слушать, как ты объясняешь, что женщина в твоей постели оказалась там случайно?

— Я не помню, как там оказался кто-то ещё!

— Конечно. Никто никогда не помнит.

— Это была ложь. Я не знаю как, но ложь.

— Двадцать лет спустя ты пришёл сказать мне, что это ложь?

— Я пришёл работать. Я не знал, что ты здесь.

— Тогда уходи отсюда. Такая же работа найдётся в любой школе.

Андрей промолчал. Лево́й руко́й косну́лся уха.

— Я не могу, — сказал он. — Это единственное место, где мне разрешили начать заново. Если ты хочешь, чтобы я ушёл, скажи, и я уйду. Но мне нужно, чтобы ты это сказала сама.

Вера смотрела на него долго. Потом вдруг отвела взгляд.

— Я видела твою фотографию в газете, — тихо сказала она. — Про слух.

— Значит, знаешь.

— Знаю. И мне жаль.

— Правда?

— Правда. Ты любил музыку больше всего на свете.

— Не больше всего, — возразил он. — Но почти.

Что-то в её лице смягчилось, и тут же исчезло.

— Ты женат? — спросила Вера, не глядя на него.

— Был.

— А дети?

— Дочь, Кира. Ей девятнадцать. Она меня не простила.

— За что?

— За то, что я ушёл.

— Понятно, — она отвернулась к окну. — У меня тоже есть дочь.

— Сколько ей?

— Двадцать.

Андрей хотел спросить ещё, но в конце коридора хлопнула дверь, и послышались быстрые шаги.

— Мама! Меня Тамара Львовна отпустила пораньше, можно я пойду в зал?

В коридоре появилась девушка с футляром в руках. Невысокая, худая, с растрёпанной русой косой. Увидев незнакомого мужчину, она замерла.

— Ой, простите.

— Мира, — сказала Вера как-то слишком быстро. — Это наш новый педагог. Андрей Сергеевич.

— Здравствуйте, — девушка улыбнулась, и Андрей вдруг почувствовал странный толчок в груди. Эта улыбка была ему знакома, но он не мог понять откуда.

— Здравствуй, Мира.

— Я пойду в зал, ладно, мам?

— Иди.

Девушка убежала. Вера стояла неподвижно, и Андрей за-

метил, как она задержала дыхание.

— Твоя дочь? — спросил он.

— Моя.

— Красивая.

— Да.

— Ты не хотела, чтобы я её видел?

Вера открыла рот, чтобы ответить, но в этот момент из зала донёсся звук скрипки. Чистый, сильный, пронзительно правильный. Андрей вздрогнул: после болезни он слышал левым ухом только искажения, но этот звук прошёл сквозь гул, как нож сквозь воду.

— Это она? — прошептал он.

— Да.

— Сколько ей было, когда она начала?

— Девять. Сама себе подобрала по слуху «Лунную сонату» на старой фисгармонии.

— Вера...

— Не надо, — она быстро пошла прочь. — Мне пора.

Андрей остался у двери, слушая скрипку. Музыка лилась из зала, и впервые за месяцы он не думал о своём ухе.

Глава 6

Кира стояла у школьных ворот уже минут десять. Три раза она собиралась уйти, три раза возвращалась. Наконец толкнула тяжёлую дверь и вошла.

Внутри было тесно и пахло пылью. Мимо пробежали двое малышей с футлярами, один едва не сбил её с ног.

— Простите! — крикнул он.

— Ничего.

Она пошла по коридору, стараясь выглядеть так, будто просто заблудилась. Из одной двери доносились скрипучие аккорды, из другой пение хора. Потом Кира услышала виолончель.

Звук был неровный, робкий. Она узнала бы его где угодно: эта манера брать смычок могла быть только отцовской.

Дверь в класс была приоткрыта. Кира заглянула.

Отец сидел на стуле перед худеньким мальчиком лет одиннадцати. Тот напряжённо держал смычок, как палку.

— Не дави, — мягко говорил Андрей. — Представь, что ты гладишь кошку. Видишь? Теперь слушай, что получается.

Мальчик попробовал. Звук вышел чуть чище.

— Правильно. Ещё раз.

— А у меня не получится так, как у вас.

— У меня тоже не получалось, когда я начинал.

— Правда?

— Правда. Я два года мучил соседей. Они подарили мне наушники, чтобы я не слышал сам себя.

Мальчик рассмеялся. Кира почувствовала, как у неё сжалось горло. Она никогда не видела отца таким: простым, смешным, живым. Дома он говорил о музыке торжественно, как о религии.

Она отошла от двери и пошла дальше по коридору, не думая куда. Где-то в глубине здания зазвучала скрипка.

Кира остановилась.

Это была не школьная игра. Это было что-то другое: чистое, горькое, без единой фальшивой ноты. Она знала этот голос из записей лучших исполнителей, но здесь его вела простая девушка в старом свитере.

Кира подошла к двери зала. На сцене стояла девушка с русой косой и играла, закрыв глаза. Рядом на стуле лежал облезлый футляр с наклейками.

Играла она так, что у Киры по рукам побежали мурашки.
— Красиво, правда?

Кира вздрогнула. За её спиной стояла пожилая уборщица со шваброй.

— Это кто?

— Мира. Дочка нашей Веры Николаевны. Слух у неё, говорят, один на миллион. А денег на частных педагогов нет.

— Почему?

— Мать одна растит, — уборщица вздохнула. — Хорошо хоть школа бесплатно взяла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.